
Дачная «колонизация» российской глубинки. Пример Костромской области¹

К.В. АВЕРКИЕВА*, Т.Г. НЕФЕДОВА**

*Аверкиева Ксения Васильевна – кандидат географических наук, научный сотрудник, Институт географии РАН. Адрес: 119017, Москва, Старомонетный пер., д. 29. E-mail: xsenics@yandex.ru

**Нефедова Татьяна Григорьевна – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН. Адрес: 119017, Москва, Старомонетный пер., д. 29. E-mail: trene12@yandex.ru

Цитирование: Averkieva K., Nefedova T. (2016) Dachas and the Colonization of Rural Areas by Urban Citizens in Russia: The Case of the Kostroma Region. *Mir Rossii*, vol. 25, no 1, pp. 103–128 (in Russian)

В статье сделана попытка на примере Костромской области объяснить, что представляет собой такое явление, как дачи и дачники. Рассмотрена специфика российской урбанизации и субурбанизации и типы сезонного дачного жилья как второго дома горожан с выделением ближних, среднеудаленных и дальних дач. Намечены методические подходы к выявлению количества дальних дач жителей крупнейших городов в нечерноземных областях и их соотношение с числом дач местных горожан. Показана плотность дачников разных типов (местных и московских) в пригородных и удаленных районах Костромской области, состав и предпочтения горожан в сельской местности. Приведены результаты обследования московских дачников в четырех периферийных районах Костромской области. Выявлена эволюция становления дачных сообществ в 1970–1980-х гг., их изменение в 1990-х и 2000-х гг. Рассмотрены особенности взаимодействия горожан с местным населением и властями, а также перспективы дачного освоения удаленной глубинки с убывающим местным населением.

¹ Исследование выполнено в Институте географии РАН в рамках проекта Российского научного фонда № 14-18-00083 «География возвратной мобильности населения в сельско-городском континууме».

Ключевые слова: дача, дачник, дом в деревне, садовое товарищество, местное население, урбанизация, дезурбанизация, сезонность

Введение

Сезонные перемещения населения из городов в сельскую местность на сравнительно длительное время происходят давно, но до сих пор дискуссионными остаются перспективы и масштабы этого процесса. Что представляет собой тип дачников, стремящихся уехать подальше от крупных центров? Насколько возможна оценка количества сезонного населения за пределами московской и петербургской агломераций? Как взаимодействуют сельское население, дачники из небольших городов, москвичи и петербуржцы, купившие дома в деревнях, каковы взаимоотношения дальних дачников и муниципальных властей? Попытка найти ответы на эти вопросы и стала основной задачей данного исследования. Отсутствие регулярного учета и стабильной статистической базы вынуждает искать новые методы исследования количества и состава дачников, проживающих на разном удалении от городов. Это требует сочетания использования далеко не полных региональных и муниципальных данных с подробными полевыми обследованиями ключевых районов, включая опросы наличных дачников и глубинные интервью с отдельными дачниками, а также с представителями муниципальных служб и местного населения.

Типология дач горожан

Специфика российской урбанизации состоит в запаздывании последней по сравнению с западными странами и в разреженности городской сети [Покровский, Нефедова 2014, с. 140]. Россия, казалось бы, прошла пик урбанизации, подойдя к 1990-м гг. с замедлением роста крупнейших центров. В начале 1990-х гг. наблюдался даже отток населения из городов, несколько преувеличенный статистикой, однако к 2000-м гг. рост мегаполисов восстановился и даже усилился. Центроостремительные потоки в города на постоянное место жительства, отражаемые официальными данными статистики миграций населения, были значительно расширены за счет «отходников» – временных трудовых мигрантов из сельской местности, малых и средних городов России, работающих в крупных центрах в вахтовом режиме [Нефедова 2015].

В то же время из-за экономических, психологических, экологических проблем жизни в мегаполисах стремительно набирало силу центробежное движение горожан в сельскую местность. Однако желание сохранить и продолжить использование городской квартиры, недостаток средств для благоустройства сельского жилья для круглогодичного проживания и сложившаяся в России традиция жить сезонно на «два дома» создали практику, отличную от зарубежной. Субурбаниза-

ция и дезурбанизация западного образца, выраженные в переезде в пригороды или в сельскую местность для постоянного проживания, развиваются в России гораздо медленнее, чем такое явление, как дачи.

Информационная глобализация 1990–2000-х гг. привела к повышению временной мобильности населения (в т.ч. на дальние расстояния), усиленной увеличением парка автомобилей, развитием средств связи, большей внутренней свободой, что является признаками перехода к текучему, мобильному состоянию общества [Урри 2012; Покровский, Нефедова 2013], к которому приспосабливаются и современные системы расселения. Эти факты невозможно выявить в рамках переписи населения, поскольку они требуют специального изучения, особенно в зонах, удаленных от больших городов. Из этого следует, что количество населения, проживающего в том или ином месте в разные сезоны года, остается неизвестным, что служит причиной нарушения сбалансированности управления и финансирования.

Сам феномен дач уже неоднократно рассматривался в российской и зарубежной литературе [Браде 2014; Махрова 2006; Нефедова 2012; Нефедова 2013; Овчинцева 2012; Трейвиш 2014; Bielckus, Rogers, Wibberley 1972; Dijst, Lanzendorf, Barendregt, Smit 2005; Gallent, Mace 2005; Lovvel 2003; Roca 2013 и другие]. Дачи обычно ассоциируются с пригородами, где их плотность особенно высока, но жители столиц готовы ехать на дачи и за сотни километров. Поэтому типология современных дач москвичей и петербуржцев может быть построена на учете следующих параметров:

1) вида строения и размера участка, часто связанных со временем возникновения дачи и социальным положением владельцев;

2) удаленности дачи от города (ближние, среднеудаленные и дальние дачи) [Нефедова, Савчук 2014].

Дачи вокруг Москвы появились в XVII в.: тогда они носили название «подмосковные» и раздавались в соответствии с чинами [Малинова-Тзиафета 2013, с. 30–31]. До настоящего времени дошли несколько разновидностей дач: среди них государственные дачи, старые частные дачи начала–середины XX в. вблизи Москвы и С.-Петербурга, дома в садовых товариществах на удалении до 50 км от небольших городов и до 250 км от крупных центров, группы коттеджей вблизи городов и в особо престижных живописных местах (значительная часть каменных коттеджей также используется в качестве дач сезонно и на выходные) и деревенские дома. Последний тип может встречаться как недалеко от города, так и на значительном удалении от него и включает наследные дома недавних жителей мегаполисов или строения в деревнях, купленные горожанами у местных обитателей. Продолжающаяся урбанизация лишь способствует сезонной экспансии горожан в деревню: молодежь оттуда уезжает, старики умирают, а дома продаются горожанам.

Наиболее распространенный тип дач – дома в садовых товариществах. Практически любой город, даже малый, окружен массивами небольших разнородных участков, на которых можно увидеть как деревянные сараи, так и шикарные виллы. Если раньше владельцами домов в садовых товариществах являлись лишь жители близлежащих городов, то в настоящее время в живописных местах даже на значительном удалении от мегаполисов их все чаще скупают москвичи или петербуржцы.

К ним прибавляются «выплески» собственно московских и принадлежащих жителям городов Московской области дач в садовых и дачных товариществах за пределами московской агломерации. Общее число только садовых участков в России к настоящему времени достигло 15 млн, и с учетом коэффициента семейности – это почти половина горожан России. Однако это далеко не все дачи: скученность и небольшая площадь участков в садовых и дачных товариществах подталкивают горожан, особенно жителей крупных центров, на поиск более спокойных мест отдыха. При этом следует отметить, что в условиях депопуляции сельского Нечерноземья чем дальше от мегаполисов расположены деревни, тем дешевле стоят пустые дома.

Ближние, среднеудаленные и дальние дачи различаются между собой не только удаленностью от города, но и преобладающим типом строений на участках, составом дачников, их взаимоотношениями с местным населением. Хотя вблизи Москвы (даже в стародачных местах) и преобладают 2–3-этажные каменные особняки и огороженные коттеджные поселки, наибольшую площадь здесь занимают садовые и дачные товарищества, которые сформировали огромные массивы малоэтажных «псевдогородов» по площади более значительные, чем города Подмосковья. Общая численность дачников в Подмосковье оценивается в 3–4 млн чел. при 1,4 млн сельского населения Московской области [Нефедова, Савчук 2014]. Несмотря на относительно небольшое расстояние от Москвы, ежедневные поездки в город затруднены пробками на дорогах, что ограничивает процессы реальной субурбанизации. Состав ближних дачников весьма разнороден, но все они, как правило, отгорожены от сельского населения и физически (высокими заборами), и психологически, приглашая для строительных и ремонтных работ бригады гастарбайтеров или рабочих из ближайших городов.

Среднеудаленные дачи находятся на расстоянии 250–300 км от Москвы и по большей части принадлежат жителям крупных городов. На таком же удалении от мегаполисов можно встретить и коттеджные поселки, построенные на Волге, Оке и Валдае, но гораздо чаще это садовые товарищества или дома в деревнях Тверской, Ярославской, Владимирской, Рязанской, Тульской, Калужской и Смоленской областях. Примечателен тот факт, что чем дальше от Москвы находятся дачи, тем меньше доля организованных садоводческих поселений и тем больше домов, купленных или унаследованных горожанами в деревнях. Отношения горожан с местными жителями здесь более тесные, но по мере увеличения числа дачников и уменьшения количества сельских жителей эти связи ослабевают. Недостаток средств для обслуживания горожан в летний период (включая уборку мусора) стал ключевой проблемой местных муниципалитетов, поскольку выделяемые финансы рассчитаны только на покрытие нужд местного населения. Сами муниципалитеты от наплыва дачников, которые в районах, примыкающих к внешним границам Московской области, летом увеличивают население в 2–3 раза, практически не получают никакой выгоды, поскольку налоги с дачников (которые часто не регистрируют свою недвижимость) крайне низки. Исключение составляют лишь сельские поселения в наиболее престижных местах, где налоги с дорогих сделок купли-продажи пополняют местные бюджеты.

Дальние дачи расположены в 300–700 км от города и принадлежат, чаще всего, жителям крупнейших центров, прежде всего Москвы и С.-Петербурга. Такими

дачами с видом на будущее место жительства интересуются и северяне [Аверкиева 2014]. Особенно много дальних дач между Москвой и Петербургом (что является давней традицией [Нефедова, Трейвиш, Аверкиева 2015, с. 188–205]), а также к северу и северо-востоку от Москвы, и в этом смысле Костромская область, как типичный нечерноземный регион, служит идеальным примером. Здесь проживает много купивших дома московских дачников. Состав этого сообщества, специфика предпочтений, взаимоотношения с сельским населением и властями, а также пространственное соотношение дальних дач москвичей (реже петербуржцев и северян) и дач жителей Костромы и других городов области и стали главным объектом нашего исследования. Во многом оно явилось продолжением исследований по «Угорскому проекту»², проводимых нами с 2006 г., но с более широким охватом других районов и углубленным анализом разнообразия типов дач.

Для таких нечерноземных районов (особенно на периферии областей) характерны кризис сельского хозяйства с увеличением степени его концентрации ближе к центрам регионов, уменьшение площади обрабатываемых земель на фоне длительного сокращения численности сельского населения в течение почти всего XX в. и снижения его трудовой мотивации³. При этом покупка москвичами домов в деревнях, чаще расположенных на берегах рек, сохраняет целые деревни, которые, правда, оживают лишь летом. Дачники в таких местах – это особый тип горожан преимущественно старшего и среднего возраста, среднего достатка и, в основном, интеллектуальных профессий, позволяющих им проводить на дачах длительное время. Но так было не всегда, и поэтому эволюция дачной «колонизации» москвичами удаленной российской глубинки представляет особый интерес, а ее анализ возможен лишь на отдельных примерах конкретных локальных дачных сообществ, которые не так многочисленны, как в случае с ближними и среднеудаленными дачами. Более того, в местной сельской среде дачники чувствуют себя своеобразной диаспорой, поэтому стараются общаться друг с другом, не отгораживаясь при этом и от местных жителей, поскольку в разреженном сельском социальном пространстве оба сообщества (и дачное, и местное) оказываются зависимыми друг от друга. Не претендуя на полный охват всех возможных стратегий дачной «колонизации» жителями крупнейших центров нечерноземной глубинки, мы, тем не менее, попытаемся показать ее основные траектории, но сначала проанализируем сложности изучения и методы исследования темы дач и дачников.

² См. www.ugory.ru/eksped.htm

³ Для Костромской области, как и для других нечерноземных областей, характерны сформировавшиеся еще в советское время и усиленные в постсоветский период различия между пригородами региональной столицы (лучше сохранившими и человеческий капитал, и агропроизводство) и периферийными районами [Иоффе, Нефедова 2001]. В последних остались лишь единичные предприятия советской эпохи с резко сократившимся производством и поголовьем скота. Правда, в 2000-х гг. интерес к избранным удаленным районам стали проявлять региональные (реже московские) инвесторы, формируя филиалы агрохолдингов и спасая отдельные предприятия, что не остановило обвальное сокращение используемых земель. Надежды на развитие мелких животноводческих хозяйств при обилии пастбищ также не оправдались, причем не только из-за сложных институциональных условий, но и из-за неготовности местного населения (см. подробнее: [Нефедова 2010; Нефедова 2013, с. 193–233; Аверкиева 2012; Покровский, Нефедова 2014]).

Проблемы учета количества дачников в Костромской области

Следует уточнить, что точную оценку количества сезонных жителей в сельской местности районов Костромской области дать очень непросто, поскольку подобная статистика не ведется, а набор косвенных показателей остается довольно скудным. Региональные департаменты земельных отношений и имущества собирают информацию лишь о численности официально зарегистрированных участков в садовых некоммерческих товариществах (СНТ) и дачных некоммерческих товариществах (ДНТ)⁴, причем никаких оценок использования этих участков и их состояния не существует.

Большинство участков в СНТ и ДНТ принадлежат жителям Костромской области. Первые участки стали выдаваться в 1950-х гг. вблизи Костромы, на правом берегу Волги в районе деревень Козелино, Борщино, Чернопенье, Густомесово; в 1957 г. начал формироваться крупный массив около микрорайона Ребровка на северо-востоке Костромы (сейчас он входит в городскую черту, как и соседние и южнее вдоль Волги (в Костромском районе – 58%, в Красносельском и Нерехтском – еще 19%). При этом если вблизи Костромы преобладают типичные садовые товарищества (236 СНТ и всего 9 ДНТ) с участками 6–15 соток, то на Волге в Красносельском районе насчитывается лишь 15 СНТ и еще 9 ДНТ, возникших позднее, в 1990-х гг., с участками в 20–25 и более соток.

Даже беглый взгляд на *рисунок 1* позволяет заметить, что основное количество участков в садовых товариществах расположено в районах сосредоточения относительно крупных предприятий, где непосредственно формировались садовые кооперативы: выделяются Галичский район (участки от Галичского автокранового завода), Мантуровский, Шарьинский, Нейский, Чухломский (от предприятий деревообработки), Буйский (от Буйского химического завода и участки строителей Костромской АЭС – жителей поселка Чистые Боры). С другой стороны, более поздние дачные некоммерческие объединения с большими участками тяготели не столько к предприятиям, сколько к природным ландшафтам, прежде всего к Волге, причем не только вблизи Костромы и Красного-на-Волге, но и на юге удаленного Кадыйского района.

Раньше многие садовые участки в кооперативах (особенно вблизи городов) в большей степени использовались для выращивания овощей, чем для рекреации; зачастую на участках в 6 соток капитальные дома даже не строились. Сейчас участки около малых городов нередко забрасываются⁵: прежним владельцам дач обрабатывать участки уже не под силу, а новое поколение не видит смысла возделывать землю, если все продукты можно купить в магазине⁶. В других регионах Костромской области дачи в садовых кооперативах сохраняются только в том случае, если они расположены около реки или другого водоема, и возможно их повторное освоение

⁴ Далее по тексту оба товарищества будут обозначаться как дачи.

⁵ Например, в садовом кооперативе около г. Галич в настоящий момент заброшено около 2/3 участков.

⁶ Возможно, новая волна экономического кризиса заставит горожан вернуться на огороды, однако прежней активности использования дач ждать не приходится.

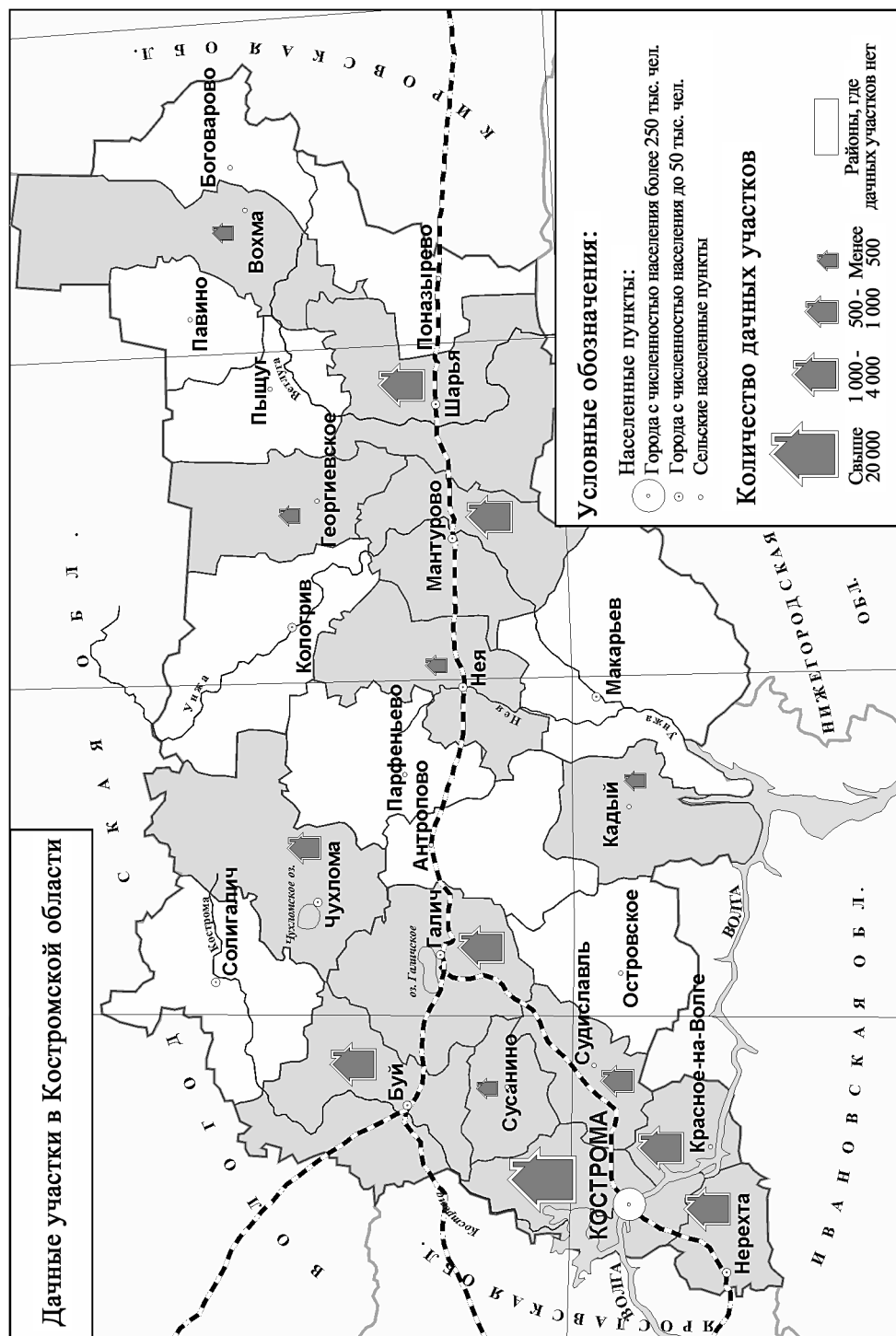

Рисунок 1. Дачные участки в составе СНТ и ДНТ по районам Костромской области, 2013 г.
Источник: Департамент земельных отношений и имущества Костромской области

потомками прежних владельцев или новыми хозяевами для летней рекреации. В некоторых нечерноземных областях также заново осваиваются дачные массивы в наиболее живописных районах на озерах (в Бологовском районе Тверской области), на берегу Волги (Кашинский и Калязинский районы Тверской области).

Более сложную задачу представляет собой оценка количества дальних дачных домов, купленных в деревнях жителями крупных городов в целях рекреации вдали от больших городов (в Костромской области это преимущественно москвичи, хотя есть и дачники из Петербурга, Ярославля и Костромы). Статистику покупки сельских домов никто не ведет, как не проводится и учет самих дачников в летний период. Тем не менее одним из методов оценки количества дачных домов и количества сезонных жителей можно считать экспедиционный вариант анализа: объезд деревень и фиксация числа дачников в пиковый сезон – с середины июля до конца августа, когда большинство владельцев сельских домов приезжает в отпуск⁷. Дачные дома легко узнать: по номерам припаркованных автомобилей, по наличию цветников, по отделочным и строительным материалам (дачники предпочитают более дорогие). Однако экспедиционный метод позволяет охватить лишь отдельные деревни, не создавая общей картины, которую можно получить лишь при обработке космических снимков, на которых хорошо видны коттеджные поселки, СНТ и ДНТ, но не дальние дачи в деревнях. Некоторое время назад в отдельных сельских поселениях все же удавалось получить информацию о сезонных жителях [Нефедова 2008]: тогда (в начале 2000-х гг.) с сельских администраций области требовали отчет о месте постоянной регистрации (прописки) владельцев участков, однако в последние годы предоставление такой отчетности стало необязательным, и учет вести перестали.

Следует обратить внимание, что методы косвенного учета, например, временной регистрации по месту длительного пребывания (с целью минимизации оплаты услуг ЖКХ за городскую квартиру) весьма ненадежны. Такие данные сельские администрации предоставляют достаточно охотно, однако они позволяют учесть лишь часть дачников: многие, не регистрируясь, проживают на дачах лишь 1–2 недели. Также количество приезжих, официально оформляющих свое пребывание на даче, сокращается ввиду установки в квартирах приборов учета воды и газа, поскольку в этом случае справки о том, что в летние месяцы жильцы находились вне городских квартир, становятся не актуальными. Более того, с 2014 г. функции регистрации по месту пребывания переданы из правлений поселений в муниципальные администрации, поэтому руководство сельских поселений больше не владеет такого рода информацией⁸.

⁷ Выбор именно этого периода связан с особенностями природных и фенологических условий Костромской области: с мая до середины июля отдых в таежных районах осложняется активностью комаров, мошки, клещей, которая сходит на нет к середине июля. К этому времени вода в реках прогревается, а в августе начинается ягодно-грибной сезон.

⁸ Насколько адекватны такие оценки, можно судить на примере Ильинского сельского поселения Кологривского района Костромской области. Из 973 жителей поселения дачниками, официально зарегистрированными по месту пребывания на срок менее 1 года, числились всего 29 чел. При этом в ходе полевого обследования поселения в 6 деревнях было выявлено более 50 дачных домов, и во всех в пиковый сезон проживали дачники (от 1 до 3 чел.). В двух полностью «дачных» деревнях, где преимущественно москвичами куплено 25 домов (сезонное население обеих деревень оценивается в 60–70 чел.), по месту пребывания официально не было зарегистрировано ни одного жителя.

Другой вариант косвенной оценки численности дачных домов и дачников – это учет количества сделок с землей и недвижимостью. Такая статистика позволяет оценить наиболее востребованные дачниками районы и сельские поселения. Однако в 2009 г. регистрационная служба полностью перешла в федеральное подчинение, вследствие чего местные органы самоуправления были лишены контроля над учетом сделок, хотя именно поселковые власти, собирающие налоги на недвижимость и землю, больше всего заинтересованы в таких данных. В Костромской области департамент земельных отношений и имущества предпринял попытку получить в федеральной регистрационной службе сведения о сделках с землей, но регистрационная палата была готова предоставить информацию лишь в агрегированном виде. И все же такие данные не позволяют проанализировать территориальную дифференциацию явления и для исследования оказываются непригодными.

Еще один вариант оценки количества дачных владений – это налоги на землю и недвижимость, пополняющие бюджеты сельских поселений. Поскольку многие сельские жители так и не оформили свои участки в собственность⁹, основными налогоплательщиками становятся дачники. Выяснить, зарегистрированы ли участки, позволяют доступные в интернете данные Росреестра, однако по ним можно уточнить лишь местоположение зарегистрированных участков в той или иной деревне, но никакой информации о прописке владельцев и обобщений Росреестр не предоставляет.

На региональном уровне оценить фактический размер налогов на землю и имущество, поступающие от владельцев дач, в собственных доходах сельских поселений весьма трудно, и представители департамента финансов Костромской области дают лишь экспертные оценки. По их мнению, экономический эффект от дачников заметен только в отдельных сельских поселениях пригородных Костромском и Красносельском, а также удаленных Кадыйском и Кологривском районах.

Как правило, главы сельских поселений (по крайней мере до последних административных укрупнений) хорошо осведомлены о том, какие дома в населенных пунктах принадлежат дачникам, однако такая статистика не собирается. И основной причиной отсутствия интереса к таким данным со стороны местных властей является отсутствие материальной отдачи от подобной осведомленности, поскольку подушевое финансирование рассчитывается исходя из численности постоянного населения без учета численности сезонных жителей. В одном из сел Ивановской области местные власти выступили с инициативой и составили реестр всех жителей (в том числе и дачников), но такую статистику районные власти не приняли, и дачников в списки населения не включили. Кроме того, идея учета дачников местными властями требует четкой формулировки термина «дачник» и разработки критериев, по которым владельцев участков и арендаторов можно было бы причислить к этой категории.

⁹ Помимо очевидной дороговизны, многие считают, что «здесь и так все наше» и не видят необходимости оформления, тем более что за оформлением земли последует обязательная уплата земельного налога.

Особенности дачного освоения костромской глубинки жителями столичных городов

Как показал опыт полевых исследований предыдущих лет и экспедиции 2014 г., для дачного освоения жителями крупнейших городов многих сел и деревень в удаленных районах характерны схожие истории. Первые поселенцы-дачники появились там в 1970-х гг., и хотя постепенно сменялись импульсы настроений, обновлялись поколения, в каждом десятилетии находились те, кто приезжал сам и привозил с собой друзей. В итоге дачное движение не угасло до сих пор: кто-то ездит в дома родителей, приобретенные 15–20 лет назад, кто-то тянется к друзьям, уже купившим дом в сельской глуши, кто-то целенаправленно ищет дом вдали от больших городов.

Эволюцию освоения сельской глубинки московскими домовладельцами¹⁰ можно проследить на примере нескольких дачных «кустов» в четырех районах Костромской области: Антроповском, Мантуровском, Кологривском и Кадыйском.

Антроповский район. Палкинское сельское поселение. Туриловский «куст» (100 км от Костромы, 450 км от Москвы)

Первые поездки жителей столицы в этот район приходятся на середину 1970-х гг. Тогда выяснилось, что в поселках туриловского «куста» (Власово, Шахматово, Крутица, Заречье, Дуброво, Малышево) стоит много пустующих домов, и москвичи стали постепенно их скупать. Причем вложения в деревенские дома почти не требовались, и в качестве сезонного жилья они могли использоваться с минимальными переделками. Постепенно в деревне Власово выросла дачная «колония»¹¹ из семи домов, жившая особенной жизнью: все постоянно общались друг с другом, «каждый день проходили лекции». Это были коренные москвичи 1930–1940-х гг. рождения, многие из которых занимались в деревне научной работой¹².

Почему у москвичей возникло желание проводить время в столь отдаленных труднодоступных деревнях? Как утверждает один из представителей уже второй волны дачного освоения этих мест, «*психополе Москвы росло: сначала от него можно было спрятаться в Пушкино, потом – в Сергеевом Посаде, затем в Александрове ... теперь уже в Костромской области*». В целом, дачники-поселенцы отмечают разрастание московской агломерации, от влияния которой многим хотелось скрыться. С современных позиций такое движение дачников-колонистов

¹⁰ Термин «дачник» кажется не совсем уместным, т.к. многие проводят в деревне значительную часть года и связывают свое пребывание там не только с рекреацией.

¹¹ Определение одного из первых «колонистов».

¹² Примечательно, что дорога с твердым покрытием в деревню отсутствовала, жители пользовались грунтовой, по которой могли ездить только лесовозы и трактора. Поэтому во Власово «колонисты» добирались в прицепе трактора, перевозившего молоко на переработку с туриловских ферм в Палкино.

можно рассматривать как вариант сезонного дауншифтинга: переезд в «глухую провинцию у моря»¹³ в поисках душевной гармонии с потерей благ городского образа жизни.

К концу 1980-х гг. жизнь «колонии» начала затихать: москвичи приезжали уже не каждый год, дома без капитальных вложений ветшали. У многих «колонистов» появилась возможность реализовать себя в городе, поэтому сельское диссидентство перестало быть актуальным. Тем не менее одни дачники все же сменялись другими, а несколько семей постоянно оставались на лето в деревне. В 1991 г. случилось важное событие – до Турилово провели дорогу с асфальтовым покрытием, соединив его с крупным селом Палкино и дорогой регионального значения (Антропово–Кадый), но для «колонистов» это обернулось бедой: деревенские дома начали грабить. Оставшиеся дачники переместились вглубь сельского «куста», спасаясь от зимних вторжений воров. Постепенно деревня Власово обезлюдилась, строения разрушились, и в настоящее время уже трудно определить место ее прежнего нахождения.

Вторая волна освоения москвичами туриловского «куста» относится к 1990-м гг. Говорить о единой «колонии» уже не приходится, хотя практически все дачники, расселившиеся по близлежащим деревням, хорошо знали друг друга. Новым ядром сезонной жизни стала деревня Шахматово, где еще в 1970-х гг. обосновался ученый-методолог Н.Г. Алексеев. С возрастом он все больше времени стал проводить в деревне, к нему часто приезжали ученики, принимавшие участие в формальных и неформальных выездных семинарах. Тем не менее к середине 2000-х и эта волна стихает: подрастают дети и внуки, дома приходят в негодность. Н.Г. Алексеев, чей дом в Шахматово сгорел, переезжает в поселок Николо-Полома, а в деревнях туриловского «куста» остаются лишь несколько дачников-домовладельцев¹⁴.

Следующая, **третья, волна** приходится на конец 2000-х гг.: тогда (в 2008 г.) И. Павлов, директор объединенного колледжа № 11 г. Москвы, один из учеников Н.Г. Алексеева, решает возродить деревню Шахматово отчасти в память своего учителя, отчасти в качестве полигона для студенческих практик и спортивно-досуговых мероприятий. В деревню заново проводят электричество, из соседних деревень перевозят хорошо сохранившиеся дома, и в итоге создается своеобразная база, куда одновременно могут приезжать до 50 чел. Несколько раз в году (на новогодние праздники, в марте, на майские праздники, в летние месяцы и в октябре) Шахматово, которую студенты колледжа называли «Гектар», оживает: здесь проводятся лекции, семинары и мастер-классы ведущих ученых и деятелей искусств. Домовладельцы-дачники из окрестных деревень, не связанные напрямую с «Гектаром», также принимают участие в некоторых мероприятиях.

Следует отметить, что влияние горожан на местное сообщество, составляющее не более 30 чел. (половина – в трудоспособном возрасте), достаточно велико.

¹³ И. Бродский, 1972.

¹⁴ Так, в конце 1990-х бывший первый «колонист», уже переехавший из Власово в Шахматово, вновь меняет деревню и покупает дом в другой деревне туриловского «куста» – Малышево, где живет вместе с женой и двумя детьми, существуя на средства от аренды московской квартиры.

Поскольку в деревнях туриловского «куста» совершенно отсутствуют рабочие места (нет ни сельскохозяйственных, ни лесозаготовительных предприятий, ни бюджетных учреждений), все трудоспособные жители заняты обслуживанием дачников и сообщества «Гектар»: одни помогают в строительстве домов, другие осуществляют подвоз гостей со станции в Антропово, третьи снабжают горожан продуктами¹⁵.

*Мантуровский район. Леонтьевское сельское поселение.
Угорский и леонтьевский «кусты» (220 км от Костромы, 570 км от Москвы)*

Формирование дачного сообщества в Мантуровском районе также начиналось в 1970-х гг. и происходило от нескольких родовых корней. В данной статье мы рассмотрим лишь два наиболее значимых. Первый был связан с потомком местного жителя, москвичом, пригласившим своих друзей-искусствоведов на родину отца. Они были очарованы первозданной красотой и приобрели дом в маленькой деревушке Полома, которая уже тогда почти опустела, поскольку была удалена от сельсовета, расположенного в деревне Угоры. Затем к ним приехали знакомые, которые очень дешево купили несколько домов, и к концу 1970-х гг. в летние сезоны здесь функционировало смешанное деревенско-дачное сообщество.

В те же годы в Мантуровском и Кологривском районах начинают работу несколько научных проектов: орнитологический, программа скрещивания домашнего рогатого скота с зубрами с целью улучшения мясной породы, опытная станция Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН. Тогда части исследователей-москвичей пришлось прописаться в районе, так как это был единственный способ продолжить работу в Академии наук. Другие сотрудники купили в деревнях дома, чтобы не только отдыхать, но и работать в районе. Так сформировалось второе сообщество биологов; они «окупили» несколько деревень и до сих пор продолжают использовать дома как дачи¹⁶.

Оба сообщества «колонистов» скоро объединились, постепенно расширяясь и существуя в спокойном режиме удаленной от Москвы работы вплоть до 1990 г., когда начался новый этап развития, связанный с приездом более активных горожан. В маленькой деревне Полома появились журналисты крупных российских изданий, которые с помощью иностранных коллег в голодное и беспокойное время на рубеже 1990–1991 гг. решили поддержать удаленную деревню. Вот как описывает это событие Марина Лещинская, одна из первых «колонисток»:

«Вечером в Полому въехали грузовики. Однако вместо радостных жителей их встретила гробовая тишина. Избы стояли, трубы дыми-

¹⁵ Помимо этого, в Палкино с помощью москвичей создается лагерь для молодежи Антроповского района; на средства колледжа № 11 для одной из жительниц деревни Турилово куплена корова; преподаватели колледжа инициировали строительство сельского храма и нашли средства для его постройки.

¹⁶ С тех пор там постоянно живет лишь один сотрудник института, а в 1990-х гг. в другой деревне поселился еще один его коллега, сменив научную деятельность на сельское хозяйство.

лись, а людей не было. Все попрятались, решив, что началась война. Наконец кто-то решился выйти и узнать, какая власть на дворе. Выяснив, что это гуманитарная помощь москвичей, все высыпали разбирать продукты и вещи. Но вместо того, чтобы отнести их в избу, тут же перепаковывали в старые мешки и просили шоферов отвезти их в Москву детям».

К этому времени закончилась первая, романтическая, волна дачной колонизации, когда еще и деревня была жива, и городские дачники чувствовали себя в ней органично. Местное население не только в этой, но и в других небольших деревнях катастрофически сокращалось (в Поломе осталась только одна семья местных жителей). Началась вторая, «прагматическая», волна, когда новые дачники пытались спасти и деревню, и себя в ней, но при этом, как показывает пример с гуманитарной помощью, оставались далеки от понимания специфики местной жизни. В деревне Полома эти усилия воплотились в уникальный проект культивирования фермерства. Поскольку своих кандидатов заняться подобным бизнесом не осталось ни в этой, ни в соседних деревнях, пришлось, используя журналистские связи, объявить в «Российской газете» конкурс и пригласить фермерскую семью из Свердловской области. Сначала проект казался чрезвычайно удачным: московские дачники выкупили в деревне дом, предоставили немалый кредит из личных средств на обустройство этой семьи. В деревне появился скот, наладилась продажа продукции сначала окрестным дачникам, потом в Мантурове и в Москве. Тогда казалось, что деревня будет жить не только в летний сезон, однако, несмотря на успешность бизнеса, кредиты, выданные свердловчанам, не отдавались, что вызвало взаимное напряжение, разрастающиеся по мере того, как деятельность фермеров переориентировалась с производства на перепродажу. Дело кончилось скандалом, когда обнаружили финансовые махинации, после чего фермерская семья покинула деревню и переехала в Мантурово. А первые дачники-колонисты, уже состарившиеся, но трогательно привязанные к деревне и проводившие в ней от месяца до полугода, по-прежнему оставались озабоченными своим будущим в деревне¹⁷.

Тем временем дачное сообщество в Угорском и Леонтьевском поселениях продолжало разрастаться, большая часть новых дальних дачников появлялась через друзей и знакомых, приехавших погостить. Новые дачники сместились в наиболее живописные деревни, расположенные на берегу реки Унжа. В 1990-х гг. здесь в маленькой деревушке Медведево покупает дом и Н.Е. Покровский, вокруг которого впоследствии сформировалась третья, научно-исследовательская, волна дачного освоения, чем-то напоминающая позднюю шахматовскую. Будучи философом по образованию и социологом по профессии, а, главное, человеком активным и любознательным, он собирал вокруг себя московских ученых, которые к концу 1990-х гг. сформировали своеобразное научное сообщество «Угорский проект»¹⁸.

¹⁷ Последний проект спасения дачных домов зимой в деревне, где уже не осталось местных жителей, – это установка сигнализации с заключением договоров в охранной фирме г. Мантурово, посредником в ближайшей деревне и т.п.

¹⁸ Это наиболее изученное сообщество дальних дачников, но в то же время о его дальнейшей судьбе ведутся острые дискуссии (см. [www.ugory.ru; Покровский, Нефедова 2014]).

К концу 2000-х гг. этот проект достиг расцвета, его состав постоянно расширялся, включая известных экономистов, географов, демографов и психологов. В силу профессиональных интересов участников «Угорский проект», в отличие от шахматовского, больше ориентирован на изучение окружающей действительности, включая жизнь местного населения, на его адаптацию к новым реалиям, жизнь самого дачного сообщества и перспективы его развития. Ежегодно издаются сборники научных трудов проекта, с 2010 г. каждый год в мае в купленных и переоборудованных дачниками деревенских избах деревни Медведево (5 постоянных жителей) проводятся междисциплинарные научные конференции, собирающие до 60–80 чел. из российских и зарубежных научных центров. И даже в спокойное летнее время «Угорский проект» служит важным звеном, консолидирующим дачников на большом пространстве: читаются лекции, дачники в курсе событий в других деревнях. Хотя первые волны дачного освоения до сих пор просматриваются в сообществах биологов и искусствоведов, общение внутри них даже при разбросанности его членов по разным поселкам зачастую активнее, чем общение дачников в одной деревне.

Четвертая волна обозначилась в последние годы и связана с реальным дауншифтингом – круглогодичным проживанием москвичей в деревне. Ее начало было положено приездом семьи биолога и художницы, решивших заняться сельским хозяйством (правда, с сохранением творческих занятий и небольшого бизнеса в Москве). Похожий путь по схеме первой плеяды биологов прошла недавно еще одна семья москвичей, которая арендовала 10 га земли, построила новый дом и занялась разбивкой сада: глава семьи – академик РАН – сохраняет свои научные студии, а садом занимается, в основном, его жена¹⁹.

Так сколько же всего дачников из крупных городов насчитываются в этом «кусте»? Поскольку последняя перепись горожан, купивших дома в деревнях, проходила в 2007 г., приведем данные, предоставленные бывшей Угорской сельской администрацией (*таблица 1*). Из деревни Бажино дачники к настоящему времени уехали, поскольку с уходом последнего местного жителя дома зимой стали не просто грабить, а разбирать по частям. Пример Угорского поселения показывает, что симбиоз местного сельского и пришлого дачного населения в удаленной нечерноземной глубинке является необходимым условием существования и тех, и других: местное население служит относительным гарантом безопасности жилья дачников, а последние в свою очередь поддерживают местных жителей, привозя им продукты и предоставляя работу (в Угорском поселении молодые рабочие, получая зимой заказы на ремонт домов, остаются в деревне). Тем не менее динамика населения показывает весьма неутешительную картину (*таблица 1*).

Важно, что приток дачников в летний период практически компенсирует потери сельского населения, связанные с отъездом молодых и трудоспособных сельчан на работы в города, на учебу и т.п. Например, по данным администрации современного

¹⁹ Еще два случая дауншифтинга москвичей связаны с другими видами деятельности. Первая – чисто творческая – изготовление кукол, которые у дачников и участников научных конференций пользуются большой популярностью. А вот созданная москвичом мини-база для экотуризма с комфортабельными домами в деревне Никитино не находит постоянных клиентов, заполняясь лишь в периоды семинаров, конференций и т.п.

Леонтьевского поселения (включающего после объединения в 2011 г. и бывшее Угорское), 33% трудоспособного мужского населения, находящегося на военном учете, по месту регистрации (то есть в деревнях поселения) постоянно не проживает. Из них 13% – отходники, работающие в Москве на протяжении несколько месяцев либо в режиме «20 дней работы – 20 дней дома» (дальний отход) и в г. Мантурово в рабочие дни с приездом на выходные в деревню (ближний отход), а 20% постоянно живут в Москве, Костроме, Шарье или Мантурово, лишь изредка приезжая домой.

Таблица 1. Число и динамика населения в деревнях Угорского сельского поселения и доля дачников в землепользовании

	Доля жителей городов в числе собственников и арендаторов земельных участков в 2007 г. в %	Оценочно доля дачников в суммарном населении в благоприятный сезон (июль–август), 2007 г. в %	Численность зарегистрированного населения, 2007 г., чел.	Численность зарегистрированного населения, 2013 г. чел.	Динамика населения, 2007 г. в % к 1926 г.	Динамика населения, 2013 г. в % к 2007 г.
Угоры	32	29	227	190	34	84
Давыдово	47	41	40	30	10	75
Медведево	79	75	10	8	5	80
Хлябишино	39	40	59	51	14	86
Дмитриево	92	71	10	0	4	0
Аносово	н/д	н/д	22	18	12	82
Зашильское	71	80	6	0	5	0
Бажино	100	100	0	0	0	
Полома	75	71	10	8	9	80
Ступино	91	91	2	1	2	50
Всего	48	45	386	306	14	79

Источник: Данные Угорской сельской администрации.

Городские дачники в Угорском поселении (85% из которых москвичи) – это в основном интеллигенты пожилого возраста, хотя есть и несколько молодых семей. Их быт и обустройство, занятия и отдых в деревне, взаимоотношения с местными жителями уже описывались по результатам подробного обследования

в рамках «Угорского проекта» [Нефедова 2008; Покровский, Нефедова 2013; Покровский, Нефедова 2014, с. 156–165]. Удаленность поселений от крупных городов заведомо предполагает иной характер использования домов и участков. Сельским хозяйством дачники не занимаются, однако окашивание довольно больших участков вокруг дома, его ремонт и приспособление к нуждам горожан при сохранении почти неизменного внешнего вида деревенских изб занимают значительную часть времени. Некоторые создают мини-музеи деревенской утвари, пытаясь сохранить остатки «деревянной» бытовой культуры Севера. Половина дачников регулярно ходят в лес за грибами и ягодами. Треть дачников отмечает, что именно здесь они много читают, причем классическую литературу, мемуары. Многие занимаются основной профессией и/или творчеством (пишут, рисуют, вяжут, занимаются фотографией и т.п.). Важно отметить, что для некоторых это не второе, а третье жилье (дополнительно к квартире и ближней даче в Подмоскowie).

В 2014 г. мы вновь провели опрос 29 наличных дачников в семи деревнях Леонтьевского поселения: каждый пятый из них оказался представителем первой волны, каждый третий купил дом в 1990-х гг., остальные – в 2000-х, причем семь человек – в последние четыре года, то есть процесс пока не затухает. Стимулом покупки были либо советы знакомых (половина опрошенных), либо приезд в гости (в т.ч. и на конференции «Угорского проекта»). На вопрос «чем привлекло Вас именно это место?» большинство ответили «красота природы», «необыкновенные ландшафты», «визуальный нокаут», «уходящая к горизонту тайга» и т.п. Кроме того, чаще всего упоминались «река, купание», «уединенность, пустота, малолюдность», «тишина, покой», а также «дешевизна домов» (каждый четвертый) и «доброжелательность людей». Большая часть дачников живет здесь по одному месяцу летом, реже приезжают на одну–две недели.

Обследования 2014 г. показали, что отношение местного населения к дачникам, несмотря на увеличение их числа, было и остается весьма доброжелательным. Приведем лишь несколько высказываний:

- «беспокойства от дачников нет, приятные люди, интересные»;
- «дачников сразу можно поговору отличить, и деньги у них есть, в магазин приходишь, сразу видишь»;
- «не строят они ничего, готовые дома покупают и вкладывают в них, главное, сохраняют их и обкашивают вокруг»;
- «пусть приезжают, жалко что ли. Плохо, когда покупают и не приезжают».

Что касается влияния дачников на экономику села, то главные выгоды местные жители видят в возможностях продажи дачникам ягод и подработке при ремонте домов. Правда, готовы к такой занятости лишь единицы востребованных работающих мужчин, а большинство местных жителей мало пересекаются с дачниками: «не знаю я всех дачников, их так много, что я в них путаюсь. Дачники сами по себе, местные – сами по себе».

Помимо дачников из крупных городов почти в каждой деревне есть дачники из ближайшего районного центра г. Мантурово (16 тыс. жителей) в основном сред-

него возраста. Они приезжают в родительский дом (часто с детьми) на выходные или на месяц, занимаются хозяйством, собирают ягоды. Однако если московские дачники активно общаются друг с другом даже в удаленных друг от друга деревнях (большинство московских дачников имеет машины), отношения московских и мантуровских дачников редко становятся тесными: эти сообщества даже более разделены, чем московские дачники и местные жители.

*Кологривский район. Ильинское сельское поселение.
Высоковский «куст» (350 км от Костромы, 700 км от Москвы)*

Импульсом дачного освоения Высоковского «куста» в еще более удаленном от Москвы и Костромы Кологривском районе также стало желание обосноваться на берегу реки Унжи с песчаными пляжами и сосновыми борами по берегам. **Первое появление** москвичей в деревне Минькино приходится на 1979 г., когда сын академика Я.М. Колотыркина Иван поехал с другом навестить свою бабушку. Там он обнаружил, что некоторые дома выставлены на продажу, и тут же дал телеграмму отцу: «Вышли 200 рублей, хочу купить дом». Сначала у семьи Колотыркиных был только один дом в деревне Минькино, постепенно выкупили еще несколько соседних домов (семья большая: академик с женой, взрослые сыновья и дочь, пожилая няня). При этом семья академика имела и ближнюю дачу в кооперативе «НИЛ» (наука-искусство-литература) около города Истра. Постепенно Колотыркины стали приглашать соседей из «НИЛа» в «свою» деревню, и многие решились купить дальнюю дачу уже здесь, в Кологривском районе. **Вторая волна** началась в 1990-х гг. и продолжается до сих пор. Как и в случае предыдущего «куста», наблюдались прагматические попытки москвичей вписаться в новые экономические реалии деревни: выкуп колхозных домов, создание фермы, разведение скота. Однако при резком старте москвичи быстро выдохлись, все было брошено, и они превратились в обычных дачников.

К настоящему времени НИЛовцам принадлежат четыре дома в деревне Минькино, где уже давно не осталось постоянных жителей, в т.ч. один новый дом, построенный в начале 2000-х гг., в котором его хозяин живет с мая по сентябрь, и шесть домов в деревне Половиново. Также НИЛовцы выкупили дома и в соседней деревне Королево (там всего 15 домов, из которых 12 принадлежат НИЛовцам) и в деревне Белавино (9 из 10 домов). Некоторые проводят в деревне по полгода, кто-то приезжает только на 1–2 недели, постепенно ремонтируя и перестраивая дома под свои нужды. Это яркий пример создания удаленного филиала подмосковных дач с иной социально-природной аурой. Примечательно, что владельцы домов и дачники в Высоковском «кусте» – не только пенсионеры, среди них есть и молодежь: те, кто в детстве общался в подмосковном «НИЛе», теперь перебрался на дальнюю дачу.

Как и в описанных выше «кустах», дачники дают работу местному населению из бывшего центра сельского поселения деревни Высоково. Местные жители чинят дома, косят траву, присматривают за домами и принимают на хранение

в зимний период дорогостоящую технику. В ягодный сезон существует налаженная система поставки грибов, меда, ягод – достаточно связаться по телефону и назвать необходимое количество. А дачники, со своей стороны, отправляясь в деревню, всегда звонят в Высоково бывшей главе поселения, узнавая, не надо ли привезти из столицы дефицитные товары. Очевидно, что система взаимоотношений местного и сезонного населения налажена очень тонко, одни без других вряд ли смогут существовать.

Эти примеры, несмотря на различия, демонстрируют общие закономерности эволюции освоения жителями мегаполисов дальней периферии. При случайном проникновении в ту или иную деревню/поселение происходили закрепление и формирование нового активного сообщества горожан, но только при наличии объединяющих импульсов: помимо мировоззренческой общности были необходимы и консолидирующие профессиональные интересы. Как правило, все сообщества дачных «колонистов» переживали одни и те же этапы: романтический в 1970 – начале 1980-х гг., более прагматический в 1990-х. Дальнейшее развитие во многом зависело от личностных факторов: если находился яркий лидер (как, например, в Шахматово или в Угорском поселении), происходила интеграция разрозненного дачного сообщества с формированием научного ядра, вокруг которого объединялись московские дачники, представляющие различные профессии. Если таких лидеров не было, то объединяющими становились интересы профессиональные или соседские по месту выхода.

Приведенные примеры отражают варианты наиболее распространенного типа дальних дач жителей мегаполисов с относительно длительным пребыванием горожан на удаленных дачах (часто дополнительно к ближним в Подмосковье) и минимальным внешним переоборудованием больших деревенских изб северного типа²⁰.

Однако в 2000-х гг. даже в таких удаленных от мегаполисов районах дачниками начали строиться новые дома, также появлялись и рекреационные учреждения. Эти тенденции характерны для наиболее престижных мест, главным образом на Волге южнее Костромы, но также и во все более набирающих популярность у горожан местах впадения рек Унжи и Немды в Волгу (юг Макарьевского и Кадыйского районов), то есть фактически на берегу Горьковского водохранилища. Здесь соединились два вектора: продвижение к живописным волжским берегам и статусное потребление – желание иметь дачу напротив «дачи» премьер-министра Д.А. Медведева в Плесе или поближе к родине А.А. Тарковского около деревни Завражье.

²⁰ Помимо Костромской области, зона северной архитектуры жилых домов охватывает обширную территорию Новгородской, Вологодской и Архангельской областей. Для нее характерны просторные дома постройки начала или середины XX в. на высоких подклетьях (практически двухэтажные), общей площадью до 150 м², объединяющие под единой крышей жилую часть с двумя печами и сеновал с двором для скотины, которые многие дачники также приспособивают для жилого использования.

*Кады́йский район. Черниховское и Завражское сельские поселения
(150–200 км от Костромы, 500 км от Москвы)*

Кады́йский район не совсем типичен для дальних дач. Помимо деревенских изб с дачниками из Костромы, Нижнего Новгорода, Москвы, здесь можно встретить и шикарные каменные коттеджи. Вместо живописных рек и уютных деревушек со старыми домами из почерневших бревен на крайнем юге района глазу открываются почти приморские пейзажи с песчаными пляжами, к которым почти вплотную подходят новые дома и строящиеся туристические базы. Правда, в Завражье в 2008 г. по инициативе губернатора области была создана особо охраняемая территория с блокированием выдачи земель под любое строительство. Однако губернатора сняли, и с дальнейшей судьбой этой территории пока не определились. Для жителей поселения, заинтересованных в туристах и дачниках, это явилось тормозом, поскольку колхоз исчез (на 400 чел. местного населения осталось всего 15 коров), а занятость всегда была связана лишь с бюджетной сферой, торговлей в паре магазинов и подработками у дачников (примерно 100 домохозяйств).

Что дают дачники деревне, взаимоотношения дачников и органов местного самоуправления

Если сельские жители хорошо осознают все выгоды от появления дачников, то оценки влияния дачников на жизнь поселений местными властями далеко не однозначны. В интервью с представителями органов местного самоуправления, как и с представителями районных властей, нередко звучат следующие оценки: *«отдачи от дачников немного, а претензий и требований от них всегда хватает»*. Дачники не создают официальных рабочих мест, которые бы могли дать поселению подоходный налог и оживить рынок труда, они редко выступают инициаторами инвестиционных проектов. При этом дачники постоянно требуют улучшения инфраструктуры, порой вступают в конфронтацию с представителями властей, не позволяя последним почувствовать себя полноправными хозяевами своей территории. Но дело не столько в амбициях местных чиновников, сколько в нищих бюджетах, не позволяющих удовлетворить претензии дачников. Для некоторых поселений, где количество дачников особенно велико, летний сезон оборачивается значительными проблемами: затруднением с вывозом мусора, поддержанием дорог в надлежащем состоянии. В случае если дачники покупают дома в нежилых деревнях, случаются и коллизии: поскольку деревни могут быть вычеркнуты из реестров населенных пунктов, иногда всплывает путаница со статусом земель.

Дачники, особенно из Москвы, вызывают недоверие еще и своей активной жизненной позицией: *«они постоянно что-то требуют от нас, добиваются хоть через прокуратуру»*. Небольшой рост налоговых поступлений от дачников нивелируется увеличением расходов на инфраструктуру, которую по требованиям дачников приходится поддерживать: обслуживать дороги, мосты, электросети

и др. С другой стороны, стремление оформить землю и дома, рост спроса на участки стимулируют местных жителей оформлять свои владения²¹, что впоследствии может дать положительный эффект. То, что дачники задают тон сельской жизни в малонаселенных деревнях, признают все: вслед за дачниками местные жители тоже стараются разбивать цветники, косить траву, ремонтировать заборы и дома.

В качестве одного из вариантов повышения заинтересованности местных властей в привлечении и учете дачников рассматривалось увеличение земельного налога, однако такой мере многие дают критическую оценку, поскольку она может негативно отразиться и на местных жителях. Даже если повысить налог только для нерезидентов (имеющих постоянную регистрацию в городе), эффект может оказаться непредсказуемым: дачники в дальних деревнях в большинстве своем люди несостоятельные, и Костромская область их привлекает дешевизной домов и низкими налогами, а повышение налога вынудит многих оставить свои дома, после чего жизнь в деревнях остановится. При том что местные власти не рассматривают дачников в качестве ресурса развития, все же чиновники не стремятся к тому, чтобы дачники отказались от поездок в деревню: последние поддерживают дома в хорошем состоянии, косят траву (что очень важно в засушливые годы, когда растет риск пожаров), дают работу сельским жителям, увеличивают местный товарооборот и т.д.

Как еще повысить заинтересованность властей в дачниках? Существует и такой вариант вовлечения дачников в местную жизнь, как самообложение (добровольные взносы дачников и сельских жителей для решения возникающих проблем)²². Решение о самообложении принимает сельский сход, в котором участвуют как постоянные жители, так и владельцы домов, проживающие в них сезонно. Однако следует отметить, что такой механизм возможен при сплоченном сельском сообществе и решает только локальные проблемы, не придавая реальный импульс развитию территорий. Тем не менее можно привести примеры некоторых инициатив дачников, направленных на решение местных проблем: так, участники «Угорского проекта» в Мантуровском районе не раз вкладывали свои средства или были организаторами проектов улучшения инфраструктуры, жители деревни Полома оказывали поддержку фермеру и т.п. Стоит отметить, что владельцы новых сельскохозяйственных предприятий (например, крупные производители мраморной говядины в нескольких районах Костромской области [Аверкиева 2012]), приехав в регион с сугубо рекреационными целями, постепенно начали инвестировать средства в его развитие, но это в большей степени касается «особых» рекреантов-охотников. К «дачным» инвестиционным проектам можно отнести и туристическую деревню Русиново в Красносельском районе²³, мараловодческую ферму²⁴ в Парфеньевском районе. Все перечисленные выше проекты находятся в начальной стадии развития, и насколько они успешны, можно будет судить спустя лишь несколько лет.

²¹ С целью дальнейшей продажи, когда цены на недвижимость и землю повысятся.

²² В отдельных деревнях (например, Беладино Кологривского района, где остались только дачники из Москвы и Мантурово) сезонные жители готовы совместно собирать средства на ремонт дорог и другие местные нужды.

²³ <http://rusinovo-kostroma.ru/gallery.html>

²⁴ <http://kostroma-hunter.ru/index.php/home/kostromskoj-maralovodcheskij-kompleks>

Перспективы дачного освоения удаленных сельских районов

Дачное освоение костромской глубинки началось еще в 1970-х гг., и с тех пор продолжается волнами, следуя за сменой поколений и изменением условий жизни в столицах. Как уже говорилось, чаще всего дальние дачи приобретали люди среднего достатка: в столь удаленные районы многих привлекали не только живописные ландшафты, но и низкая стоимость добротных северных домов. Однако экономическая ситуация (как в отдельных семьях, так и в стране в целом) сделала поездки на дальние дачи слишком затратными, и в случае изменения налоговой политики содержание дач может стать непосильным. Если в стране не произойдет никаких социально-экономических катаклизмов, то волны дачного освоения удаленных районов могут начать спадать, тем более что возраст многих современных дачников становится препятствием для передвижения на столь большие расстояния.

И хотя дачники становятся более мобильными (вслед за ростом количества автовладельцев, улучшением автопарка), перспективы реосвоения деревни горожанами по результатам их опросов оцениваются как достаточно проблематичные. Так, в ходе опроса 2008 г. утверждать с уверенностью, что дети также «прирастут» к этим местам, как и их родители, смог лишь каждый десятый дачник. Еще 20% сообщили, что дети, скорее всего, будут приезжать, около половины опрошенных не могли ответить на этот вопрос, остальные уверены, что дети продадут или забросят дом. Все зависит от того, в каком возрасте они получают это наследство, каковы будут их материальное положение в частности и экономическая ситуация в стране в целом. Очевидно лишь одно – на тяге к дачной жизни в удаленной деревне (помимо желания временно сбежать от полной стрессов жизни в огромном мегаполисе) сказываются именно поколенческие различия: проводить значительную часть времени на природе готовы либо люди преклонного возраста, либо их внуки.

Исследования показали, что мир дачников весьма многообразен: среди сезонного населения встречаются не только представители старшего поколения с внуками, но и молодежь, и люди трудоспособного возраста, приехавшие в отпуск. И если существует сложившееся сельское (пусть и сезонное) сообщество или яркий харизматичный лидер, то дальние дачи (пусть и со сменой владельцев) будут существовать и в дальнейшем.

В 2014 г. на вопрос «хотели бы Вы жить на дальней даче постоянно?» половина опрошенных затруднилась ответить, треть ответила отрицательно, и лишь немногие согласились бы, но только при условии улучшения качества дорог (половина дачников приезжают на своих машинах), приближения к деревне и расширения сферы услуг (работающих по заказам магазинов, медпомощи, широкополосного Интернета и т.п.). Однако российские власти в последние годы взяли противоположный курс: объединение поселений и концентрация услуг в районных центрах и крупных поселениях лишают не только дачников, но и местных жителей деревни элементарных условий выживания.

С другой стороны, помимо психологических и экологических стрессов, спад привлекательности Москвы для населения связан и с повышением имущественно-

го ценза: дороговизна жизни в столице и возможная в условиях текущего экономического кризиса безработица уже сейчас «выталкивают» население из мегаполиса. Однако при обсуждении готовности горожан переезжать в деревню [Покровский 2014] мы должны четко осознавать, что в случае с дальними дачами (временные поездки в деревню при сохранении городской квартиры, привязанности к городской работе) эти процессы не только широко распространены, но и набирают силу, расширяя территориальную зону охвата до нескольких сотен километров. В случае же с дезурбанизацией отъезд трудоспособного населения (т.е. постоянное проживание и работа в удаленной сельской местности) представляется маловероятным: Россия к этому еще не готова.

При том что в настоящее время почти в каждом большом селе проживают один-два «москвича» (или жителя другого крупного города), оставивших свои квартиры детям, говорить о массовом переезде горожан преждевременно. Города «выталкивают» населения не в самые глухие деревни; в глубинку же стремятся или те, кто уже имеет здесь дачу или родственников, или дауншифтеры, для которых главным условием становятся тишина и возможность уединения от городской суеты, но таких желающих немного. Массовый переезд в деревню молодых и трудоспособных горожан, имеющих возможность работать в режиме удаленного доступа, реален только в дальние пояса столичных агломераций. Глубинные сельские районы (в том числе в Костромской области) пока не могут предложить новым жителям необходимые удобства – дома с газовым отоплением, водопровод, канализацию, широкополосный Интернет. Да и быстрое транспортное сообщение, пусть даже и на личном автомобиле, в условиях нарастающей поляризации пространства, наладить достаточно сложно.

До тех пор, пока в удаленные районы сельской России не придут современные технологии и не будет налажена соответствующая инфраструктура, они будут привлекать лишь сезонное население и добровольных отшельников, сбегавших из крупных городов. И поскольку постоянное население сельской глубинки из года в год сокращается, региональным и местным властям необходимо осознать роль сезонного и другого некоренного населения в жизни сельских территорий, и только совместная забота горожан и местных жителей спасет оставшиеся фрагменты культурного ландшафта традиционной русской деревни от надвигающегося исчезновения.

Литература

- Аверкиева К.В. (2012) Инновации в сельском хозяйстве Нечерноземной зоны России как ответ на «сжатие пространства» // Известия РАН. Серия «География». № 4. С. 40–51.
- Аверкиева К.В. (2014) Горожане в деревне: особенности «дачного» освоения сельской местности в Костромской и Ивановской областях // Покровский Н.Е. (ред.) Социология. Естествознание. Общество. Сборник научных статей и материалов научной конференции. М.: Сообщество профессиональных социологов. С. 57–62.
- Браде И. (2014) Между дачей и фешенебельной резиденцией. Взгляд с запада // Известия РАН. Серия «География». № 4. С. 33–38.

- Иоффе Г.В., Нефедова Т.Г. (2001) Центр и периферия в сельском хозяйстве Российских регионов // Проблемы прогнозирования. № 6. С. 100–110.
- Малинова-Тзиафета О. (2013) Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Махрова А.Г. (2006) Территориальная дифференциация рынка загородного жилья в Московской области // Вестник Московского университета. Серия «География». № 2. С. 29–34.
- Нефедова Т.Г. (2008) Российская глубинка глазами ее обитателей // Покровский Н.Е. (ред.) Угорский проект: экология и люди ближнего Севера. М.: Сообщество профессиональных социологов. С. 98–120.
- Нефедова Т.Г. (2010) Костромская периферия в фокусе проблем периферийных районов России // Покровский Н.Е. (ред.) Северное село: традиции и инновации. М.: Сообщество профессиональных социологов С. 40–69.
- Нефедова Т.Г. (2012) Горожане и дачи // Отечественные записки. № 3. С. 204–216.
- Нефедова Т.Г. (2013) Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М.: URSS.
- Нефедова Т.Г. (2015) Отходничество в системе миграций в современной России. Предпосылки. География // Демоскоп-Weekly. № 641–642, 4–17 мая, № 643–644, 18–31 мая.
- Нефедова Т.Г., Савчук И.Г. (2014) Второе жилье горожан на постсоветском пространстве (дачи москвичей и киевлян) // Известия РАН. Серия «География». № 4. С. 39–47.
- Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И., Аверкиева К.В. (ред.) (2015) Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя. М.: URSS/ЛЕНАНД.
- Овчинцева Л.А. (2012) Экономическое значение и социальная роль садовых товариществ // Региональная экономика: теория и практика. № 3(234). С. 50–55.
- Покровский Н.Е. (2014) «Лаптем щи хлебать не заставишь». Почему спасать русскую деревню будут не китайцы, а жители российских мегаполисов // Lenta.ru. 20.11.2014 // <http://lenta.ru/articles/2014/11/20/village/>
- Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г. (2013) «Клеточная глобализация» и новые тенденции в сельских сообществах Ближнего Севера // Тощенко Ж.Т. (ред.) Новые идеи в социологии: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА. С. 314–339.
- Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г. (ред.) (2014) Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. М.: Логос.
- Трейвиш А.И. (2014) «Дачеведение» как наука о втором доме на западе и в России // Известия РАН. Серия «География». № 4. С. 22–32.
- Урри Дж. (2012) Мобильности. М.: Праксис.
- Bielckus C.L., Rogers A.E., Wibberley G.P. (1972) *Second Homes in England and Wales: A Study of the Distribution and Use of Rural Properties Taken over as Second Residences*. London: Wye College School of Rural and Related Studies.
- Dijst M., Lanzendorf M., Barendregt A., Smit L. (2005) *Second Homes in Germany and The Netherlands: ownership and travel impact explained* // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie, vol. 96, no 2, pp. 139–152.
- Gallent N., Mace A., Tewdwr-Jones M. (2005) *Second Homes: European Perspectives and UK Policies*. Aldershot: Ashgate.
- Lovell S. (2003) *Summerfolk: A History of the Dacha, 1710–2000*. London: Cornell University Press.
- Roca Z. (ed.) (2013) *Second Home Tourism in Europe: Lifestyle Issues and Policy Responses*. Farnham: Ashgate Publishers.

Dachas and the Colonization of Rural Areas by Urban Citizens in Russia: The Case of the Kostroma Region

K. AVERKIEVA*, T. NEFEDOVA**

***Kseniya Averkieva** – Candidate of Geographical Sciences, Researcher, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences. Address: 29, Staromonetnyi pereulok, Moscow, 119017, Russian Federation. E-mail: xsenics@yandex.ru

****Tat'yana Nefedova** – Doctor of Geographical Sciences, Leader Researcher, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences. Address: 29, Staromonetnyi pereulok, Moscow, 119017, Russian Federation. E-mail: trene12@yandex.ru

Citation: Averkieva K., Nefedova T. (2016) Dachas and the Colonization of Rural Areas by Urban Citizens in Russia: The Case of the Kostroma Region. *Mir Rossii*, vol. 25, no 1, pp. 103–128 (in Russian)

Abstract

This article investigates the phenomenon of ‘dachas’, i.e. houses typically located in exurbs of Russian cities and owned by urban dwellers who often use them to escape from urban life. During the Soviet era dacha allotments were allocated to industry workers and therefore their spatial distribution was closely correlated with the pattern of industrial development. However, in the post-Soviet era many of these allotments were sold or completely abandoned, until a new wave of suburbanization arrived instigated by the growing affluence of urban citizens willing to reacquire them. We explore this suburbanization trend by conducting a field study in the Kostroma region, 350–700 km away from Moscow. Our empirical data comes from surveys and interviews conducted with dacha owners, their local neighbours, and local public officials.

First, we estimate and describe the actual distribution of dacha owners in close and remote suburban areas of the Kostroma region according to their cities of origin, occupational and socioeconomic status, demographic characteristics and country-life preferences. We further reconstruct the historical evolution of various dacha communities from 1970-80s to the more recent 2000s based on data from in-depth interviews with community members. We also explore the regularities in how the composition of dacha owners changes depending on the remoteness of dacha communities from larger cities and how it changes on a seasonal basis. Particularly, we find that in some remote settlements the share of Moscow citizens among dacha owners may reach as much as 85%. Finally, we highlight several aspects and challenges regarding the interactions between dacha owners and native inhabitants, and analyse the prospects of this specific type of suburbanization in the context of decreasing rural population.

Keywords: dacha, seasonal home, dacha owners, dacha communities, summer houses, country houses, urbanization, deurbanization, suburbanization

References

- Averkiova K.V. (2012) Innovatsii v sel'skom khozyaistve Nechernozemnoi zony Rossii kak otvet na «szhatie prostranstva» [Innovations in Agriculture in the Non-Chernozem Zone of Russia as a Response to “Space Shrinkage”]. *Izvestiya rossiiskoi akademii nauk, series “Geography”*, no 4, pp. 40–51.
- Averkiova K.V. (2014) Gorozhane v derevne: osobennosti “dachnogo” osvoeniya sel'skoi mestnosti v Kostromskoi i Ivanovskoi oblastiakh [Urban Citizens in Rural Areas: the Features of ‘Dacha’s Development in Rural Areas of Kostroma and Ivanovo Regions]. *Sotsiologiya. Estestvoznaniye. Obshchestvo. Sbornik nauchnykh statei i materialov nauchnoi konferentsii* [Sociology. Science. Society. Conference Proceedings], Moscow: Community of professional sociologists, pp. 57–62.
- Bielckus C.L., Rogers A.E., Wibberley G.P. (1972) *Second Homes in England and Wales: A Study of the Distribution and Use of Rural Properties Taken over as Second Residences*, London: Wye College School of Rural and Related Studies.
- Brade I. (2014) Mezhdru dachei i feshenebel’noi rezidentsiei. Vzglyad s zapada [Between ‘Dacha’ and Affluent Residence. A View from the West]. *Izvestiya rossiiskoi akademii nauk, series “Geography”*, no 4, pp. 33–38.
- Dijst M., Lanzendorf M., Barendregt A., Smit L. (2005) Second Homes in Germany and The Netherlands: Ownership and Travel Impact Explained. *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*, vol. 96, no 2, pp. 139–152.
- Gallent N., Mace A., Tewdwr-Jones M. (2005) *Second Homes: European Perspectives and UK Policies*, Aldershot: Ashgate.
- Ioffe G.V., Nefedova T.G. (2001) Tsentr i peripheriya v sel'skom khozyaistve rossiyskikh regionov [Centre and Periphery in the Agriculture of Russian Regions]. *Problemy prognozirovaniya*, no 6, pp. 100–110.
- Lovell S. (2003) *Summerfolk: A History of the Dacha, 1710–2000*, London: Cornell University Press.
- Makhrova A. (2006) Territorialnaya differentsiatziya rynka zagorodnogo zhil'ya v Moskovskoi oblasti [Spatial Differentiation of the Suburban Real Estate Market in Moscow Region]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, series “Geography”*, no 2, pp. 29–34.
- Malinova-Tziafeta O. (2013) *Iz goroda na dachu: sotsiokulturnye faktory osvoeniya dachnogo prostranstva vokrug Peterburga (1860–1914)* [From City to the Countryside: Sociocultural Factors of Suburban Development near St. Petersburg (1860–1914)], Saint-Petersburg: Publishing house of the European University in St. Petersburg.
- Nefedova T.G. (2008) Rossiyskaya glubinka glazami ee obitatelei [The Russian Outback Countryside through the Eyes of its Inhabitants]. *Ugorskii proekt: ekologiya i lyudi blizhnego Severa* [The Ugory Project: the Ecology and People in the Near North] (ed. Pokrovskii N.E.), Moscow: The community of professional sociologists, pp. 98–120.
- Nefedova T.G. (2010) Kostromskaya peripheriya v fokuse problem periferiynykh raionov Rossii [The Periphery of Kostroma Region in the General Context of Russia’s Peripheral Regions]. *Severnoe selo: traditsii i innovatsii* [Northern Rural Areas: Traditions and Innovations] (ed. Pokrovskii N.E.), Moscow: The community of professional sociologists, pp. 40–69.
- Nefedova T.G. (2012) Gorozhane i dachi [Urban Citizens and Their ‘Dacha’s]. *Otechestvennyye Zapiski*, no 3, pp. 204–216.
- Nefedova T.G. (2013) *Desyat’ aktual'nykh voprosov o selskoi Rossii. Otvetnyye geograpfa* [Ten Topical Issues about Rural Russia. A Geographer’s Viewpoint], Moscow: URSS.

- Nefedova T.G., Savchuk I. (2014) Vtoroe zagorodnoe zhil'e gorozhan v Rossii i Ukraine [Second Exurban Residences of Urban Citizens in Russia and Ukraine]. *Izvestiya rossiiskoi akademii nauk*, series "Geography", no 4, pp. 39–47.
- Nefedova T.G. (2015) *Otkhodnichestvo v sisteme migratsii v sovremennoi Rossii. Predposylki* [Labour Migration in the System of Migrations in Modern Russia. The Premises]. *Demoscop Weekly*, no 641–642, May 4–17; no 643–644, May 18–31.
- Nefedova T.G., Treyvish A.I., Averkieva K.V. (eds.) (2015) *Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu: 222 goda spustiya* [A Journey from St. Petersburg to Moscow: 222 Years Later]. Books 1 and 2, Moscow: URSS/LENAND.
- Ovchintseva L.A. (2012) Ekonomicheskoe znachenie i sotsiokulturnaya rol' sadovykh tovarishchestv [Economic Value and Social Role of Garden Communities]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*, no 3(234), pp. 50–55.
- Pokrovskii N.E. (2014) «Laptem shchi khlebat' ne zastavish'». Pochemu spasat' russkuyu derevnyu bydyt ne kitaitzy, a zhiteli rossiiskikh megapolisov [Why the Russian Village Will Be Saved by the Russian Urban Citizens and Not the Chinese]. *Lenta.ru*. 20 November 2014. Available at: <http://lenta.ru/articles/2014/11/20/village/>, accessed 20 October 2015.
- Pokrovskii N.E., Nefedova T.G. (2013) «Kletochnaya globalizatsiya» i novye tendentsii v sel'skikh soobshchestvakh Blizhnego Severa ["Cellular Globalization" and the New Trends in Rural Communities of the Near North]. *Novye idei v sotsiologii* [New Ideas in Sociology] (ed. Tomenko J.T.), Moscow: UNITY-DANA, pp. 314–339.
- Pokrovskii N.E., Nefedova T.G. (eds.) (2014) *Potentzial Blizhnego Severa: ekonomika, ekologiya, sel'skie poseleniya* [The Potential of the Near North: Economics, Ecology, Rural Settlements], Moscow: Logos.
- Roca Z. (ed.) (2013) *Second Home Tourism in Europe: Lifestyle Issues and Policy Responses*, Farnham: Ashgate Publishers.
- Treyvish A.I. (2014) «Dachevedenie» kak nauka o vtorom dome na zapade i v Rossii [Studies of Second Residence in the West and in Russia]. *Izvestiya rossiiskoi akademii nauk*, series "Geography", no 4, pp. 22–32.
- Urry J. (2012) *Mobil'nosti* [Mobilities], Moscow: Praxis.